

RU

Лирика Луизы Сифер в историко-типологическом аспекте

Пинковский В. И.

Аннотация. Цель исследования – типологическое описание лирики Л. Сифер. В статье на основании анализа произведений из основных стихотворных сборников поэтессы определяются наиболее характерные черты поэтического мира Л. Сифер, а также значимые черты поэтики автора. Научная новизна работы заключается в коррекции существующего взгляда на творчество поэтессы как на явление, сочетающее в себе черты романтизма и парнасской поэзии. Лирика Л. Сифер рассматривается в типологическом историко-культурном аспекте на материале всех четырёх сборников лирики поэтессы без изъятия, а не на отдельных текстах, подтверждающих приверженность Сифер некоему романтико-парнасскому модусу воспроизведения действительности. В результате исследования установлено, что творчество Л. Сифер представляет собой один из характерных литературных феноменов постромантической эпохи: в её поэзии заметно романтическое влияние (в некоторых текстах и в основном на уровне стиля, что ещё не делает писательницу романтиком по сути), отсутствуют значимые черты парнасской поэтики (несмотря на публикации в «Современном Парнасе», что ещё не превращает Л. Сифер автоматически в адепта парнасской школы), но зато явственно тяготение к реалистическому отражению собственных переживаний и окружающего мира.

EN

The lyric poetry of Louisa Siefert from a historical-typological perspective

V. I. Pinkovskiy

Abstract. The study aims to provide a typological description of Louisa Siefert's lyric poetry. Based on an analysis of works from the poet's major poetry collections, the article identifies the most characteristic features of Siefert's poetic world as well as the significant traits of her poetics. The scientific novelty of the work lies in revising the prevailing view of the poet's oeuvre as a phenomenon that merely combines features of Romanticism and Parnassian poetry. Siefert's lyric poetry is examined from a typological, historical, and cultural perspective across all four of her poetry collections without exception, rather than relying on selective texts used to confirm her adherence to a supposed Romantic-Parnassian mode of representing reality. The study establishes that Louisa Siefert's work represents a characteristic literary phenomenon of the post-Romantic era: while her poetry exhibits Romantic influence (in certain texts and primarily at the stylistic level, which does not inherently make her a Romantic poet), it lacks key traits of Parnassian poetics (despite her contributions to "Le Parnasse contemporain", which does not automatically render her a devotee of the Parnassian school); instead, it demonstrates a clear orientation toward a realistic reflection of her personal experiences and the surrounding world.

Введение

Луиза Сифер (Louisa Siefert, 1845-1877) – французская поэтесса, стяжавшая редкий успех уже при вступлении в литературу: сборник «Утраченные лучи», опубликованный в декабре 1868 года, был переиздан спустя всего лишь четыре месяца. Э. Дезэссарт (Des Essarts, 1882, р. 307) назвал Л. Сифер одной из трёх наиболее достойных поэтесс современности. Современники сравнивали молодую женщину с Сапфо («пламенное дыхание страсти... исходившее от лиры Сапфо, в XIX веке должно было обрести последний отзвук в лире Сифер») (Labat, 1888, р. 200) (перевод здесь и далее, если не указано иное, наш. – В. И.).

Восторженные оценки сопровождали Л. Сифер на протяжении всего её недолгого бытия в литературе; критика порой вместо аналитики демонстрировала поэтическую патетику, говоря о поэтессе так: «От её страданий и плача осталась только роса чистой поэзии, бессмертная роса холодности мира, повстречавшего горячее сердце» (Mariéton, 1884, р. 101-102). И это были восторги не только лионских критиков, писавших в том числе по долгу местного патриотизма (Сифер была уроженкой Лиона), но и Ш. Асселино, друга и первого

биографа Ш. Бодлера, ставшего литературным опекуном Луизы и чуть было не ставшего её мужем (Асселино остановила большая – 25 лет – разница в возрасте с возможной невестой). Критик отмечал в поэзии молодой женщины искренность и уверенное владение языком (*la fermeté du langage*), отсутствие неточностей и неясностей (Asselineau, 1869, p. V). Для представителя культуры, полагающей, что «сказанное неясно сказано не по-французски» (А. Де Ривароль), это более чем высокая похвала.

При жизни поэзия Л. Сифер не удостоилась сколько-нибудь объективного рассмотрения по причине популярности поэтессы и, возможно, по причине драматизма её жизни: Сифер сравнительно рано умерла, а перед тем мучительно тяжело болела. Была, вероятно, и ещё одна причина «неприкосновенности» для критики поэзии Луизы Сифер уже после её ухода из жизни – забвение. Трудно поверить, но после посмертной публикации неизданных стихотворений поэтессы (Siefert, 1881) её следующая книга вышла только в 2022 году (переиздание первого сборника «Утраченные лучи»). Авторы аннотации к этой книге, назвав Сифер «одной из крупных забытых поэтесс XIX века», в соответствии со строгими требованиями метажанра (информативность, сжатость, предъявление только устоявшихся оценок) охарактеризовали её творчество как отличающееся «оригинальностью женского голоса, искренностью чувств, глубиной мысли, ясностью и живостью стиля, разнообразием форм» (Bresson, Pinguet, 2022). Эта аттестация практически совпадает с тем, что писали о сиферовских стихах современники. А ведь ещё в 1946 году Ж. Сандельон, решившая напомнить соотечественникам о минувшей годом ранее столетней годовщине со дня рождения Л. Сифер, с сожалением назвавшая поэтессу забытой, наградившая её комплиментарным прозвищем Мадонна в шезлонге (*Notre-Dame de la chaise-longue* – указание и на глубокую религиозность Сифер, и на её болезненность, хрупкость и слабость, не позволявшие молодой женщине покидать ложе), констатировала тем не менее, что восторги по поводу поэзии Сифер, расточённые в своё время, были «несколько преувеличены» (Sandelion, 1946, p. 4). Литота, использованная автором из уважения к юбиляру, заставляет скорее полагать, что похвалы были как раз чрезмерными. Справедливости ради следует сказать, что излишнее внимание к творчеству Сифер коснулось не всех её современников: А. Картон (Carton, 1886) в своей книге, посвящённой французским писательницам от Средневековья до второй половины XIX века, уделив внимание всем сколько-нибудь известным поэтессам своего времени, Луизу Сифер даже не упомянул.

Нельзя сказать, что литературоведение совсем не занималось творчеством поэтессы. Ему не посвящено отдельных книг, но существуют немногочисленные упоминания поэтессы в статьях и исследованиях о литературе, созданной женщинами. После более чем векового невнимания к лирике Сифер появляется статья Э. Бутен и А. М. Палиенко (Boutin, Paliyenko, 2002, p. 86-87), где, как это всегда бывает при «переоткрытии» некоего материала, вкратце сообщается о поэтессе давно известное и очевидное: перечисляются темы её творчества, повторяются некогда данные комплиментарные оценки. Эта прелюдия к исследованию выливается впоследствии в тридцатистраничный, посвящённый исключительно Л. Сифер, раздел книги А. М. Палиенко о французской женской поэзии XIX столетия; исследовательница развивает основную мысль о том, что творчество поэтессы отличается уникальным соединением «романтической чувствительности и парнасского внимания к форме» (Paliyenko, 2016, p. 164). С этой первой попыткой типологического подхода к лирике Л. Сифер трудно согласиться даже наполовину. А. М. Палиенко подвело излишнее доверие к биографическим данным поэтессы, среди которых мы найдём и увлечение творчеством романтических писателей в юности (Siefert, 1881, p. 50), и участие в двух выпусках «Современного Парнаса» (1869 г. и 1876 г.), но заявка на поэтологическую типологию требует поэтологического же анализа всех текстов поэтессы, а не избранных, соотносящихся с фактами биографии и удобных для аргументации стихотворений, чего в труде Палиенко, несмотря на ряд полезных наблюдений, мы не находим. С учётом современного состояния изученности лирического творчества Л. Сифер, состояния, не позволяющего вписать поэтическое наследие писательницы в историю французской поэзии XIX века, актуальность историко-поэтологического описания произведений поэтессы представляется очевидной. К этому добавляется также актуальная уже почти полвека тенденция изучения переходных явлений в истории литературы (творчество Л. Сифер как раз являет собой очевидный образчик «переходности»). Задачи настоящего исследования исчерпываются двумя пунктами: 1) поэтологический анализ стихотворных сборников Л. Сифер; 2) историко-типологическая дефиниция лирики Л. Сифер.

Соединение элементов поэтологического анализа текстов с биографическим, культурно-историческим, историко-теоретическим, типологическим подходами образует в данной статье комплексный метод, соотносящийся с решением перечисленных задач. Поэтологический анализ направлен на определение творческого метода поэта и связанных с этим методом жанровых предпочтений и стилистических особенностей; биографический метод даёт, с одной стороны, понимание некоторых аспектов творчества поэта, а с другой – оттеняет черты, не проявившиеся в эмпирическом существовании автора; культурно-исторический метод в сочетании с историко-теоретическим подходом позволяет составить представление о контексте творчества и смысловом наполнении понятий и терминов, при помощи которых это творчество анализируется; типологический подход даёт возможность обобщённого описания творческого метода писателя.

Материалом исследования послужили стихотворные произведения из таких сборников поэтессы, как “*Rayons perdus*” («Утраченные лучи», 1869, 2-е издание), “*L'Année Republicaine*” («Республиканский год», 1869), “*Les Stoïques*” («Стоики, 1870), “*Les Saintes Colères*” («Священный гнев», 1871). Были использованы также некоторые тексты Л. Сифер, опубликованные в третьем сборнике “*Le Parnasse contemporaine*” («Современный Парнас», 1876), и стихотворения Ф. Вийона, Т. Корбьера, П. Верлена.

Теоретической основой исследования стали в основном труды двух отечественных учёных, посвящённые проблемам переходных периодов в истории литературы. Возможно, одним из первых обратил внимание на «промежуточные эпохи» и специфику творчества в них Ю. Н. Тынянов (2001, с. 399–434), который в статье «Промежуток» (1924 г.) сформулировал важное понятие литературной инерции, которое можно трактовать как потерявшую актуальность, но по-прежнему действенную традицию. Комплексное исследование переходной – от Античности к Средневековью – литературной ситуации осуществил в монографии «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977) С. С. Аверинцев; одной из плодотворных методологических установок его труда является стремление брать «самые фундаментальные литературные принципы... в их подвижном, самопротиворечивом, переходном состоянии» (1997, с. 6).

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности использования их в преподавании истории зарубежной литературы XIX века, спецкурсах, посвящённых истории французской романтической поэзии, французской женской поэзии XIX века, а также в теоретических спецкурсах, обращённых к проблемам различных литературных типологий и литературной эволюции.

Обсуждение и результаты

Литературные классификации разнообразны, в основу той или иной из них могут быть положены разные принципы. Для построения литературной истории наиболее логичной нам представляется ориентация на творческий метод писателя. Поскольку сама Л. Сифер не оставила каких-либо теоретических заметок о своей поэтической манере, равно как и манифестов, «программных» стихов, вообще сколько-нибудь значимых стихов о стихах, а последним словом о методе поэтессы является упоминавшееся нами мнение о соединении в её лирике романтического и парнасского (Paliyenko, 2016, p. 164), основное внимание следует уделить именно верификации этого утверждения, в ходе которой будут затронуты все необходимые для типологического описания аспекты.

Начнём с вопроса: в какой степени на манеру Л. Сифер повлиял романтизм? Для романтизма характерны определённые темы: тема двоемирия; недостижимости идеала; исключительной личности (вообще – культ исключительного); возвышенного (то есть восхитительно-пугающего); свободы; особой миссии искусства, тема Средневековья (шире – любой небуржуазной эпохи, в которой находит утешение воображение романтика); тема неких экзотических мест, в которые то же воображение устремляется от обывательской обыденности, и ещё ряда других. Лирика Л. Сифер представлена иным тематическим репертуаром: воспоминания о детстве, среди которых большое место занимают впечатления от прочитанных книг, в том числе романтических; тема неразделённой влюблённости; тема любви к старикам и детям; тема физических страданий (Луиза с 15-летнего возраста болела чахоткой); тема религиозная, протестантского извода, то есть с постоянным обнаружением в католичестве различных изъянов: вот, например, как в часовне аббатства, заполненной, заметим, не паломниками, не прихожанами, а «потоком бездельников и бродяг» (*“d’un flot d’oisifs & de flâneurs”*), изображены два монаха, контекстуально также причисленные к «бездельникам»:

Jeunes, beaux, la robe traînante,
Les deux moines se tenaient droit.
Les yeux figés sous la paupière,
On eût dit des hommes de pierre,
Œuvre d’un artiste fervent.
– Ô moines! dans l’humaine sphère,
Dans les devoirs que Dieu confère,
N’aviez-vous autre chose à faire

Qu’à poser en tableau vivant? (*“L’Abbaye”*) (Siefert, 1869b, p. 36). /

Молодые, красивые, в ниспадающих одеждах, два монаха держались прямо, с глазами, заведёнными под веки, они казались высеченными из камня, творениями пылкого мастера. – О монахи! В человеческой сфере, в обязанностях, которые Бог возложил на вас, неужели вам нечего делать, кроме как изображать живую картину? («Аббатство»)

Несколько стихотворений Сифер посвящены библейским темам, трактованным совершенно традиционно, то есть без романтического «вызова небу», как, например, диптих «Жертвоприношение Авраама» (*“Le Sacrifice d’Abraham”*), завершающийся строкой *“...ton nom est Amour, ô Dieu saint, ô Dieu juste!”* (Siefert, 1870, p. 108). / «...твое имя – Любовь, о воплощение святости, о Боже правый!».

Стихотворения сборника «Священный гнев» (*“Les Saintes Colères”*) посвящены Франко-прусской войне 1870–1871 гг., в них господствует патриотическая тематика:

Ô France! ils sont venus nombreux et triomphants,
Ils t’ont visée au cœur du bout de leur épée,
Ils veulent maintenant te voler tes enfants,
T’avilir comme ils t’ont frappée.

Debout! relève-toi de ces derniers vingt ans,
Souviens-toi de l’Argonne et de quatre-vingt-douze,
À tous ces ennemis, ô France, il en est temps,
Sache donc te montrer de ton honneur jalouse.

De ta robuste main reprends ton vieux drapeau,
 Déroules-en les plis dans le vent héroïque,
 Pour qu'au moins nous mourions comme Hoche ou Marceau
 En acclamant la République! ("L'automne! la voilà plus belle que jamais") (Siefert, 1871, p. 8). /

О Франция! Они пришли, многочисленные и торжествующие, они нацелили тебе в сердце острие своего меча, теперь они хотят украсть у тебя твоих детей, унижить тебя так же, как они избили тебя. Восстань! Вспомни эти последние двадцать лет, вспомни Аргонну и девяносто второй год, о Франция, всем этим врагам пришло время показать, что такое твоя честь. Своей крепкой рукой вновь возьми своё старое знамя, разверни его складки на героическом ветру, чтобы, по крайней мере, мы погибли, как Гош или Марсо, приветствуя Республику! («Осень! прекрасная как никогда!»).

Упоминание исторического региона Аргонна неслучайно: здесь у деревушки Вальми французская революционная армия в сентябре 1792 года победила прусско-австрийскую, не дав интервентам продвинуться к Парижу. Выдвинутые Французской революцией молодые (оба не дожили до 30 лет) генералы Л. Л. Гош и Ф. С. Марсо не связаны с этим событием, но упомянуты как яркие личности, отдавшие свои жизни за Францию.

Тематика ещё одной книги Сифер, «Республиканского года» ("L'Année Republicaine"), связана с помесечными изменениями в природе. В сборнике 13 стихотворений; первое из них представляет собой почтительное обращение к В. Гюго ("Père, qui veut chanter vous suit & vous écoute... <...> Ô maître, & moi je viens à vous!") (Siefert, 1869a, p. 1, 6). / «Отец, кто хочет петь, следует Вам, слушает Вас... <...> О мэтр! И я прихожу к Вам!»), остальные посвящены месяцам республиканского календаря, по которому Франция жила с 1793 по 1805 год. Стихотворения описывают характерные черты республиканских месяцев, а точнее – разъясняют их наименования, но не только: поэтесса вплетает в традиционный жанр «календарной поэзии» мотивы, в этом жанре отсутствующие, – исторические, социальные, что роднит отчасти её тексты с эмблематическими стихами, то есть поясняющими изображение, открывающими за рисунком природных реалий (деревья, море, горы...) непрямой смысл. Так, например, в стихотворении "Vendémiaire" («Вандемьер» – месяц сбора винограда, 22 сентября – 21 октября) после описания примет месяца (неубедительных, по ним этот месяц не опознаётся: поют птицы, «оркестр тростника играет старинную мелодию») описывается марш сборщиков винограда, причём автор использует и прямое значение слова «жажда» (жажда вина), и переносное (земля жаждет крови). Вино и кровь поставлены в отношения смыслового параллелизма неслучайно: действие происходит в Аргонне, где буквально в последний перед вандемьером день состоялась битва при Вальми, счастливая для революционной Франции, то есть сборщики урожая, утолив жажду земли, готовятся утолить жажду победителей:

On entendait superbe, implacable, effrénée,
 La vendange qui s'avavançait.
 Ce soir, tout avait soif aux forêts de l'Argonne:
 Le défilé profond que le jour abandonne
 Comme une gueule avide attendait & hurlait.
 La patrie en danger haletait solitaire.
 Aux fiévreuses ardeurs de l'homme & de la terre,
 Ce n'était plus du vin, mais du sang qu'il fallait.
 Le ciel d'apothéose a des feux de fournaise.
 Place, place! en grondant là-bas, la Marseillaise
 Roule, fauve torrent, ses flots de vers vengeurs:
 Armés de faux, d'épieux, de haches, de faucilles,
 Manœuvres, artisans, gueux, héros en guenilles,
 Voilà les rouges vendangeurs! (Siefert, 1869a, p. 33-34). /

Слышался гул – величественный, неумолимый, неистовый: то шла на битву страда виноградного сбора. В тот вечер жажда мучила всё в лесах Аргонны: глубокое ущелье, покинутое дневным светом, словно алчущая пасть, ждало и выло. Оставленное в опасности отечество едва дышало. В лихорадочном жару, охватившем людей и землю, требовалось уже не вино – требовалась кровь. Небо величественно пылало жаром печи. Дорогу! Дорогу! Рокоча вдалеке, «Марсельеза» катила, словно дикий поток, волны своих призывающих к отмщению строк: вооруженные косами, рогатинами, топорами, серпами – чернорабочие, ремесленники, нищие, герои в лохмотьях – вот они, эти красные сборщики винограда!

В стихотворении "Pluviôse" («Плювиоз», месяц дождей, 20 января – 18 февраля), нарисовав депрессивную картину слякотной поздней зимы, поэтесса обращается к важной для себя теме оскудения веры, и тема эта выглядит алогизмом в сборнике, посвящённом календарю, символизировавшему в том числе разрыв с христианской традицией летоисчисления:

Le nuage s'éventre ainsi qu'un fruit trop mûr,
 Mille ruisseaux boueux se traînent dans les rues,
 Et la fange, coulant du toit, souille le mur.
 Le sol est bossué de puantes verrues,
 L'air vicié s'emplit d'exhalaisons d'égouts,
 Ce fétide soupir des choses disparues.

Maintenant, carnaval d'horreurs & de dégoûts,
 Fièvres & lâchetés vont à travers la ville
 Des hôpitaux malsains aux cloaques jaloux.
 Car Pluviôse règne & le dégel servile
 À transformé pour lui le monde détrempé
 En bouge, en ambulance, en prison basse & vile.
 L'ennui nouveau, le vieux souci, l'espoir trompé,
 Le sentiment de sa puissance méconnue,
 Tout retombe sur l'homme incessamment frappé,
 Qui sent avec terreur que sa foi diminue (Siefert, 1869a, p. 49-50). /

Туча лопаётся, словно перезрелый плод; тысячи мутных ручьев ползут по улицам, и грязь, стекая с крыш, пачкает стены. Земля покрыта зловонными наростами, затхлый воздух полон испарениями сточных вод – этим смрадным духом исчезнувшего бытия. Теперь карнавал ужаса и отвращения, лихорадка и трусость бродят по городу – от убогих больниц до зловонных клоак, ибо царит Плювиоз, и покорная оттепель превратила для него промокший насквозь мир в притон, в лазарет, в подвальный застенки. Новая тоска, старая тревога, обманутая надежда, ощущение собственной непризнанной силы – всё это обрушивается на человека, непрерывно терзаемого судьбой, который с ужасом чувствует, как слабеет его вера.

Легко заметить, что темы лирики Сифер не являются романтическими. Не являются романтическими и жанры, используемые поэтессой: у неё нет лиро-эпических поэм, нет баллад, нет лирических фрагментов. Хотя уже первый сборник Сифер переполняет тексты элегического строя (именно романтики, вслед за сентименталистами, утвердили элегию в качестве вершинного жанра камерной лирики), но тут есть нюанс: когда поэтесса создаёт немногочисленные элегии по «романтическим рецептам» (то есть с использованием мотивов и стилизованных средств романтической поэзии), то получаются вполне профессиональные, хотя не отличающиеся оригинальностью стихи; когда же она пытается говорить о своих переживаниях (то есть проявляет искренность, за что её так ценила критика), то тексты в основном выходят слабые, с отдельными удачными строками. Произведения обоих типов нуждаются в сопоставительном рассмотрении, тем более что эта операция позволит, кроме прочего, охарактеризовать лирическую героиню Луизы Сифер.

Рассмотрим в качестве примера элегии первого типа стихотворение «L'Orage» («Гроза», 1876), опубликованное в сборнике «Современный Парнас» (примечательно, что по своей поэтике это совершенно не «парнасский» текст):

Bien lasse de vouloir, bien lasse de subir.
 François Coppée

Si je voulais chanter ma voix se briserait
 Comme celle des fous dans le rire et les larmes,
 Mon bras, tout las qu'il est, se crispe sur ses armes,
 Ma lèvre ressermée a gardé son secret,
 Si je voulais chanter ma voix se briserait.

Je sens encor le froid du fer dans ma blessure,
 La pourpre de mon sang a teint les buissons verts.
 Que dirais-je à l'écho qui demande des vers
 Quand ma force est usée et ma défaite sûre?
 Je sens encor le froid du fer dans ma blessure.

Sans entrevoir de but, je vais par les chemins,
 Telle qu'un grain de sable ou qu'une feuille morte.
 Courant tous les hasards, fuyant de porte en porte,
 Sans tenir rien des jours ni croire aux lendemains,
 Sans entrevoir de but, je vais par les chemins.

Vainement quelques-uns ont pleuré sur ma trace,
 Et d'autres m'appelaient dont l'amour fut témoin;
 J'ai passé dans le vent qui m'emportait plus loin,
 La nuit seule a reçu l'aveu de ma disgrâce,
 Vainement quelques-uns ont pleuré sur ma trace.

Mon berceau fut marqué par la fatalité.
 L'orage qui grondait, terrible, à ma naissance,
 M'a pour jamais, dès lors, soumise à sa puissance
 Avec le premier cri qu'au monde j'ai jeté;
 Mon berceau fut marqué par la fatalité.

Solitude du cœur, ô ténèbres de l'âme,
 Je devine à présent ce qu'il vous faut de moi;
 Mais j'échappe à votre œuvre et brave votre effroi,
 Car je suis un enfant du souffle et de la flamme,
 Solitude du cœur, ô ténèbres de l'âme (Siefert, 1876, p. 372-373). /

Уставшая желать, уставшая терпеть.
 Франсуа Коппе.

Если бы я хотела запеть – голос мой бы сорвался, как у безумцев, в смехе и слезах; рука моя, изнемогая от усталости, судорожно сжимает оружие, губы плотно сжаты, храня свою тайну; если бы я хотела запеть – голос мой бы сорвался. Я всё ещё чувствую холод стали в ране, багрянец крови окрасил зелень кустов. Что сказать мне эху, что просит стихов, когда силы иссякли и поражение предрешиено? Я всё ещё чувствую холод стали в ране. Не видя цели, бреду я по дорогам, словно песчинка или мертвый лист. Игрушка случайностей, брошенная из стороны в сторону, не дорожащая прошлым и не верящая в завтра, не видя цели, бреду я по дорогам. Напрасно иные плакали, глядя мне вслед, и звали другие, чья любовь была образцовой; я ушла с ветром, что унёс меня вдаль, лишь ночь приняла признание в моем несчастье; напрасно иные плакали, глядя мне вслед. С колыбели я была отмечена роком. Гроза, что гремела, ужасная, при моем рождении, навеки с тех пор подчинила меня своей власти вместе с первым криком, что я издала, явившись в мир; моя колыбель была отмечена роком. Одиночество сердца, о мрак души, я теперь понимаю, чего вы от меня хотите; но я ускользаю от вашей власти, я не боюсь вас, ибо я – дитя дуновения и пламени; одиночество сердца, о мрак души.

Текст оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, он по своему пафосу, по использованному образно-мотивному материалу очевидно романтический: раненая душа; рок, преследующий героиню от рождения; одиночество сердца; сравнение себя с гонимым ветрами листком (этот образ, созданный А. Арно, отметился в том числе и в русской романтической поэзии). С другой стороны, стихотворение, в силу сгущения клише в его пределах, оставляет впечатление не искреннего монолога, не исповеди души, а упражнения в романтической поэтике. Ощущение искусственности высказывания усилено рефреном первых строк в конце строф: рассчитанная размеренность плохо сочетается с содержательным драматизмом монолога. Здесь мы наблюдаем эффект романтической инерции, которая, как определял это явление в похожем случае Ю. Н. Тынянов (2001, с. 400), как будто «сама... написала» текст.

У Л. Сифер несколько стихотворений, созданных по романтическим шаблонам, но основной корпус её произведений представляет собой совокупную попытку говорить о личных переживаниях, мыслях – и незаимствованными словами. Рассмотрим один из таких текстов.

В стихотворении «La Vie» («Жизнь») мы слышим голос совсем другой лирической героини, психологически очень достоверной в своих мечтаниях, которые, несмотря на обыденность, не сбылись в полной мере, но это не привело к разрыву с миром, а породило в душе смиренное приятие того, что есть, и упование на Бога:

Lors de ma dix-septième année,
 Quand j'aimais & quand je rêvais,
 Quand, par l'espérance entraînée,
 J'allais, riant des jours mauvais;
 Quand l'amour, ce charmeur suprême,
 Endormait le soupçon lui-même
 Dans mon cœur craintif & jaloux;
 Quand je n'avais pas d'autre envie
 Que de passer toute ma vie
 Entre ma mère & mon époux,

J'avais une joie indicible
 À contempler dans l'avenir
 Ces tableaux d'un bonheur paisible
 Qui ne devait jamais finir:
 Le foyer, les soins du ménage,
 C'était, à la fleur de mon âge,
 Tout ce que j'ambitionnais...

<...>

Lors de ma dix-septième année,
 Je rêvais la vie; à présent
 Je la juge, encore étonnée,
 Mais ne blâmant ni n'accusant.
 Beaucoup d'illusions chéries,
 Derrière moi, gisent flétries
 À chaque étape du chemin.
 Cependant que regretterai-je?
 Dès qu'un tourment nouveau m'assiège,
 L'Éternel me prend par la main... (Siefert, 1869b, p. 138-140). /

Когда мне было семнадцать лет, когда я любила, мечтала, когда, увлекаясь надеждой, я шла, смеясь над невзгодами; когда любовь – всесильная волшебница – усыпляла даже подозрение в моем робком и ревнивом сердце; когда не было у меня иного желания, кроме как провести всю жизнь между матерью и супругом, я испытывала неизъяснимую радость, созерцая в грядущем картины мирного счастья, которому не должно было быть конца: домашний очаг, хозяйственные заботы – вот всё, чего я жаждала в пору расцвета моей юности... <...> В те времена, когда мне было семнадцать, я грезилась о жизни; теперь же я сужу о ней, всё ещё дивясь, но не упрекая и не обвиняя. Множество заветных иллюзий осталось позади, увянув на разных этапах жизненного пути. Так о чем мне жалеть? Лишь новая мука меня настигает – Предвечный берет меня за руку...

На этом пути к новой поэтике не всё удавалось молодой поэтессе. Значительная часть текстов не отличается поэтическими кондициями. Речь не идёт о субъективно-вкусовом оценивании в границах «хорошо/плохо», мы говорим о наличии свойств, делающих текст (не по форме, по сути) поэтическим или прозаическим. Прозаическое слово, как известно, является информирующим, пояснительным, поэтическое – воздействует суггестивно. Каждый читатель знает по своему опыту, что прозаический текст, созданный в системе незнакомой литературной традиции, будет намного понятнее поэтического, созданного в той же системе: «проза» расскажет, прокомментирует неизвестное, а «поэзия» тщетно будет подталкивать воображение к сотворчеству, смысловой базы для которого в воспринимающем сознании нет, кроме разве некоторых общечеловеческих истин (наглядный пример такой ситуации – «столкновение» европейского читателя с классической поэзией Дальнего Востока).

Л. Сифер, не следуя разработанным традициям (в первую очередь романтической), часто впадает в повествовательно-описательное многословие (конечно, по меркам поэтическим – многословие, в прозе впечатление было бы иным). Это касается даже самых известных её стихотворений, например «Маргариты» («Marguerite»), которое отметил А. Рембо: «...очень трогательное и красивое стихотворение» (Rimbaud, 1929, p. 38). Лирическая героиня «Маргариты» любит младшую кузину, ребёнком, уснувшим у неё на коленях, мечтает о такой же дочери, но с горечью признаётся, что никто никогда не назовёт её матерью. Описание девочки и размышления героини предваряются вечерним пейзажем и отрывками из разговоров компании, собравшейся в уголке сада. Содержание текста поддаётся пересказу без потерь (вспоминаются слова О. Мандельштама: «...там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом... там поэзия... не ночевала» (1967, с. 5)). Это прозаический по сути текст в стихотворной форме. Объём тоже вполне прозаический для такого содержания, то есть информативно-разъяснительный, – 93 строки. Нельзя сказать, чтобы в стихотворении не было удачных мест, более всего обращают на себя внимание вот эти строки с формульным определением (курсив наш. – В. П.) абсолютно бескорыстной любви:

1. Être le but, la vie & l'âme de cette âme,
L'instruire de ma foi, l'échauffer de ma flamme
Et ne rien demander que sa joie en retour,
Quel rêve, encor plus doux que celui de l'amour! (Siefert, 1869b, p. 28). /

Быть целью, жизнью и душой для этой души, делиться верой, согревать своим пламенем и *не просить взамен ничего, кроме её радости*, – какая мечта может быть слаще, чем мечта о любви!

Что касается одобрения А. Рембо, то причина его, вероятно, имеет отношение к индивидуальной психологии, а не к литературе: известно сочувственное отношение поэта к детям, отразившееся в его лирике (в цитированном письме к Ж. Изамбару Рембо приводит большой фрагмент из «Маргариты», как раз содержащий описание ребёнка).

Трудности разработки новой поэтики во всей силе проявились в собственно любовной лирике Л. Сифер. Поэтесса говорит о своих переживаниях, но не создаёт такой образ чувства, который подчинял бы читателя, заставлял его сопереживать, она – просто информирует, как в стихотворении «Quand même» («Вопреки всему»):

Deux hommes sont en lui, deux hommes bien distincts,
L'homme des préjugés & celui des instincts:
L'un fantasque, inquiet, irritable, sceptique,
Volontaire, dur même & quelquefois cynique;
L'autre tout dévouement & générosité,
Patience, douceur, délicate bonté,
Esprit étincelant, charme, attachante grâce,
Tout ce qui prend le cœur & pour jamais l'enlace...
Qui plaît sans le vouloir & fait mourir sans crime,
Qui répond à chacun par un rire moqueur.
Voilà pourtant celui qui m'a touché le cœur!

Ah! si Dieu m'eût permis d'avoir part à sa vie,
Je n'avais d'autre but, je n'avais d'autre envie
(Et j'en atteste ici mon invincible amour!) (Siefert, 1869b, p. 45-46). /

В нем двое – две натуры, столь несхожие меж собой: раб предрассудков – и тот, кто живет лишь инстинктом и страстью слепой. Один – причудлив, беспокоен, раздражителен, недоверчив, своеволен, непреклонен, порой циничен; другой – воплощение самоотверженности и щедрости, терпения, мягкости, чуткости, блестящего ума, обаяния и той притягательной грации, что пленяет сердце и навсегда привязывает к себе... Он пленяет невольно, губит – не совершая злодеяния, каждому отвечая лишь язвительным смехом. И всё же –

он тот, кто тронул мое сердце! О, если б Бог дал мне разделить с ним его судьбу! Не знала б я цели иной и желания иного (и я здесь свидетельствую о своей непобедимой любви!).

В искренности героини сомнений нет, но искренность – не эстетическая категория, сама по себе она не обеспечивает воздействия произведения на читателя; притягательный, захватывающий образ искренности – обеспечивает. Строго говоря, читателю дела нет ни до чувств героини, ни до противоречивости героя, если то и другое не сделаны для него интересными. Описание героя построено по принципу антитезы, и это подталкивает к невольному сравнению с текстами, где задействован – и удачно! – тот же принцип. Достаточно вспомнить хотя бы «Балладу поэтического состязания в Блуа» Ф. Вийона («От жажды умираю над ручьём, // Смеюсь сквозь слёзы и тружусь играя...» (пер. И. Эренбурга) (1963, с. 178)) или «Эпитафию» ровесника Л. Сифер Т. Корбьера (1845-1875):

...Идеалист – без идеала,

Знал в рифмах толк – а толку мало,

Не приходя – уйти спешил,

Найдя – всегда потерян был... (пер. М. Кудинова) (1986, с. 19).

За строками первого поэта возникает образ отчаянно запутавшегося в сетях судьбы человека, за строками второго – трагически нелепая фигура. Нам нет нужды верифицировать саму возможность существования таких образов, их соотносённости с авторами, потому что они интересны независимо от своих создателей. Несмотря на впечатление искренности и даже исповедальности, за обоими поэтами стояла многовековая риторическая традиция сопоставления противоположностей, не всегда направленная на точное описание предмета и поиск истины, становившаяся, как и другие риторические приёмы, просто игрой, обращённой на себя самоё, что было вполне естественно для художественного творчества (поэзия как «вторая риторика» в понимании Средневековья), но приводило к постепенной утрате риторикой авторитета в постклассицистическую эпоху (Аверинцев, 2004, с. 7). Эта тенденция сказалась и в призыве стремящегося к искренности выражения П. Верлена «свернуть шею риторике» (*“Prend l’éloquence et tords-lui son cou!”* (*“Art poétique”*)), и в опубликованном за четыре года до верленовского поэтического манифеста первом сборнике Л. Сифер, откуда и процитированное выше стихотворение. Следует сказать, правда, что выбирающих безыскусность как форму подлинности поджидает опасность оказаться за пределами искусства, которое невозможно без вымысла, без «святой лжи», которые воздействуют на читателя. К сожалению, некоторые произведения Л. Сифер этой опасности не избежали.

Осталось сказать буквально несколько слов о соотношении поэзии Л. Сифер и принципов парнасской школы. Несмотря на публикации в парнасских сборниках (было бы странно не увидеть в них Л. Сифер, если их издавал А. Лемер, издатель всех её прижизненных книг), поэтесса не может быть причислена к писателям-парнасцам. Если попытаться кратко определить суть парнасской поэзии, то её можно назвать поэзией объективистски безэмоциональной самодовлеющей описательности. Описываемый объект «сам» предъявляет себя. Отсюда все содержательные свойства в текстах этой школы – внимание к форме, фактуре, колориту, пластике изображаемого. В стихотворениях Сифер нет этой подчёркнутой «вещности», тем более ни в одном произведении она не является доминирующей: если поэтесса в красках описывает пейзаж, то не затем, чтобы этим описанием и удовлетвориться, а для того, чтобы создать атмосферу, фон размышлений и переживаний.

Ещё один сущностный момент, разводящий Луизу Сифер с «Парнасом», – отношение к категории лирического субъекта. Парнасцы эту категорию практически устранили, в то время как произведения Сифер демонстрируют наиболее сложный тип «лирического Я», а именно лирическую героиню, особенно в сборнике «Утраченные лучи»: мы слышим не безликий голос, а молодую женщину, робко и безответно влюблённую, мечтательную, глубоко верующую; мы узнаём биографические детали, оживляющие образ (например, прозвище, которым мать называла маленькую героиню, когда та сердилась, – *“ma petite lionne!”* («моя маленькая львица» (*“Souvenirs d’enfance”*))). Все эти – главные – особенности чужды парнасской поэтике, остальное же – редкие обращения к сонетной форме, излюбленной парнасцами, несчастные строфические эксперименты (как в стихотворении «Гроза») являются типологически незначимыми.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Луиза Сифер, замечательная, но не обладавшая крупным оригинальным дарованием (которое отдаляет от типического) поэтесса, как нельзя лучше отражает в своём творчестве некоторые общие тенденции литературного развития второй половины XIX века. В её произведениях заметно остаточное влияние романтизма «первого призыва», в основном на уровне стиля и категории лирической героини (редко), преобладает же стремление к объективному, психологически точному выражению своего отношения к миру, что соответствует распространению реализма, который из всех западноевропейских стран наиболее интенсивно развивался именно во Франции. Удачи на пути создания новой поэтики в стихотворениях молодой поэтессы немногочисленны, иногда безыскусные, искренние душевные излияния не достигают степени искусства, оставаясь фактом биографической эмпирики, – неизбежные издержки создания реалистического метода (так же, как герметизм – следствие крайностей применения метода символистского).

Влияние парнасской поэтики в творчестве Сифер практически отсутствует; возможно, единственное, что могло привлекать поэтессу в парнасцах, это установка на объективность изображения действительности (при всей отобранности, ограниченности предметов и явлений, допускавшихся сторонниками «искусства для искусства» в тексты). В целом же Л. Сифер – характерная переходная фигура, сохраняющая в уже нецельном

виде предшествующий, почти ушедший художественный метод и вырабатывающая новый, который пока ещё не обрёл черты завершённости.

Перспективы дальнейшего исследования поэзии Л. Сифер просматриваются в связи с применением социологического метода. В литературном процессе взаимодействуют две стороны – художник и читающая публика. Роль медиатора между этими сторонами выполняют критики и издатели. Современные истории литературы, как правило, очень мало уделяют внимания читателю, а в случае с Л. Сифер было бы полезно выяснить, в чём причина большого начального успеха поэтессы и столь же масштабного забвения вскоре после её смерти, потому что это дополнило бы сведения об атмосфере литературного развития Франции во второй половине XIX столетия.

Материалы исследования | Research materials

1. Вийон Ф. Баллада поэтического состязания в Блуа // Вийон Ф. Стихи. М.: Художественная литература, 1963.
2. Корбьер Т. Эпитафия // Корбьер Т. Стихи. М.: Художественная литература, 1986.
3. Siefert L. L'Année Republicaine. P.: A. Lemerre, 1869a.
4. Siefert L. L'Orage // Le Parnasse contemporain. P.: A. Lemerre, 1876.
5. Siefert L. Les Saintes Colères. P.: A. Lemerre, 1871.
6. Siefert L. Les Stoïques. P.: A. Lemerre, 1870.
7. Siefert L. Rayons perdus. P.: A. Lemerre, 1869b.
8. Siefert L. (Madame J. Pène). Souvenirs rassemblés par sa mère. Poésies inédites. P.: G. Fischbacher, 1881.

Источники | References

1. Аверинцев С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Аверинцев С. С. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997.
3. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте. М.: Искусство, 1967.
4. Тынянов Ю. Н. Промежуток // Тынянов Ю. Н. История литературы. Критика. СПб.: Азбука-классика, 2001.
5. Asselineau Ch. Préface de la seconde édition // Siefert L. Rayons perdus. P.: A. Lemerre, 1869.
6. Boutin A., Paliyenko A. M. Nineteenth-Century French Women Poets: An Exceptional Legacy // Women in French Studies: Special Issue. S. 1.: Ball State University, Colby College, Santa Clara University, Ursinus College, University of Denver, 2002.
7. Bresson A., Pinguet J. Rayons perdus // Siefert L. Rayons perdus. P.: l'Harmattan, 2022.
8. Carton H. Histoire des femmes écrivains de la France. P.: A. Dupret, 1886.
9. Des Essarts E. Louisa Siefert // La Revue Politique et Littéraire. Troisième série. P.: Germer Baillièrre, 1882. T. II.
10. Labat L. Ceux d'aujourd'hui. Charles Fuster // La Revue de l'Aude: publication mensuelle, littéraire, artistique et sténographique: organe de la Société de lecture de Carcassonne et des littérateurs et félibres du Midi. 1888. 01 septembre.
11. Mariéon P. Josèph Soulayr et La Pléiade Lyonnaise: Victor de Laprade, Pierre Dupont, Jean Tisseur, Louisa Siefert, Paul Chenavard. P.: C. Marpon et E. Flammarion, 1884.
12. Paliyenko A. M. Genius Envy. Women Shaping French Poetic History, 1801-1900. S. 1.: The Pensilvania State University Press, 2016.
13. Rimbaud A. Lettre à M. G. Izambard – 25 août 1870 // Correspondance inédite (1870-1875) d'Arthur Rimbaud. P.: Cahiers Libres, 1929.
14. Sandelion J. MUSES 45 // Rolet: hebdomadaire indépendant. 1946. 21 février.

Информация об авторах | Author information

RU Пинковский Виталий Иванович¹, д. филол. н., доц.
¹ Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

EN Vitaly Ivanovich Pinkovskiy¹, Dr
¹ North-Eastern State University, Magadan

¹ alennart@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.08.2026; опубликовано online (published online): 25.09.2026.

Ключевые слова (keywords): Луиза Сифер; французская женская поэзия XIX века; реалистическая лирика; остаточные романтические черты в поэзии второй половины XIX века; тип «переходной фигуры» в литературе; Louisa Siefert; 19th-century French women's poetry; realistic lyric poetry; residual Romantic traits in the poetry of the second half of the 19th century; the "transitional figure" type in literature.